

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.115-124

А. Б. Смушкин

Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация

Психологические аспекты цифровой трансформации расследования преступлений

Резюме. В работе изучаются психологические аспекты цифровой трансформации выявления и расследования преступлений в период становления цифровой экономики. В ходе исследования субъективных психологических причин цифрового неравенства (цифрового провала) дифференцированы психотипы граждан по отношению к цифровизации и определены их основные страхи, связанные с принятием цифрового мира. Автор рассматривает также специфику цифровой коммуникации участников уголовного судопроизводства. Большое внимание в статье уделено специфическим психологическим и иным факторам, влияющим на следователя и снижающим эффективность цифровой трансформации расследования: когнитивной перегрузке, туннельному мышлению, необходимости комплексности правовых и технических знаний и компетенций, трансформации ментальности и криминалистического мышления. В исследовании подчеркнуто, что развитие идей датацентризма, связанных с получением информации об объекте изучения из цифровых источников, будет способствовать составлению цифрового психологического профиля и выявлению паттернов общения. Однако эти же перспективы ставят перед следователем этические и психологические дилеммы, обусловленные необходимостью определения баланса между объемом и пределами доказывания с одной стороны и тайной личной жизни участника судопроизводства — с другой. В работе также обращено внимание на эффект изменения ролей при цифровой трансформации. Кроме того, рассмотрены отдельные психологические аспекты производства следственных действий в дистанционном режиме как элемента цифровой трансформации. При выполнении исследования опрошено 200 человек разных социально-возрастных характеристик.

Ключевые слова: цифровая трансформация; расследование преступлений; цифровое неравенство; цифровые страхи и ожидания; криминалистическое мышление

Для цитирования: Смушкин А. Б. Психологические аспекты цифровой трансформации расследования преступлений. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 6. С. 115–124. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.115-124

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00312, <https://rscf.ru/project/24-28-00312/>.

Psychological Aspects of Digital Transformation of Crime Investigation

Alexander B. Smushkin
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Abstract. The paper examines the psychological aspects of the digital transformation of crime detection and investigation taking place during the formation of the digital economy. In the course of the study of the subjective psychological causes of digital inequality (digital failure), the psychotypes of citizens in relation to digitalization are differentiated and the main fears of citizens associated with the adoption of the digital world are identified. The author also examines the specifics of digital communication of participants in criminal proceedings. The paper pays particular attention to specific psychological and other factors affecting the investigator and reducing the effectiveness of the digital transformation of the investigation: cognitive overload, tunnel thinking, the need for a comprehensive legal and technical knowledge and competencies of the investigator, transformation of the

© Смушкин А. Б., 2026

investigator's mentality and forensic thinking. The study emphasizes that the development of data-centric ideas related to obtaining information about the object of study from digital sources will contribute to the creation of a digital psychological profile and the identification of communication patterns. However, these same perspectives pose ethical and psychological dilemmas for the investigator, due to the need to determine the balance between the scope and limits of evidence on the one hand and the secrecy of the private life of the participant in the proceedings on the other hand. The paper also focuses on the effect of changing roles in digital transformation. In addition, certain psychological aspects of the production of investigative actions in remote mode as an element of digital transformation are considered. During the study, 200 people of different socio-age characteristics were interviewed.

Keywords: digital transformation; crime investigation; digital inequality; digital fears and expectations; forensic thinking

Cite as: Smushkin AB. Psychological Aspects of Digital Transformation of Crime Investigation. *Lex russica*. 2026;79(6):115-124. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.115-124

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation (grant No. 24-28-00312), <https://rscf.ru/project/24-28-00312/>.

Введение

Переход к цифровой экономике коснулся всех сфер человеческой жизни. Не остается в стороне и расследование преступлений. В последнее время можно говорить уже не о цифровизации расследования, а о его коренном изменении — цифровой трансформации. Цифровая трансформация самих правоохранительных органов и расследования призвана адекватно условиям сегодняшнего дня, кибер- и иным информационным угрозам оптимизировать расследование преступлений и решать вопросы обеспечения информационной безопасности, которые Президент РФ назвал в качестве задачи, необходимой для достижения национальной цели «Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы»¹.

Цифровая трансформация расследования сопровождается большим количеством правовых, организационных, тактических и психологических проблем и препятствий. Зачастую они

переплетаются между собой и обуславливают одна другую.

Рассмотрим комплекс проблем цифровой трансформации, акцентируя внимание прежде всего на психологических аспектах.

Основная часть

Одной из основных комплексных проблем, мешающей активной цифровой трансформации расследования, внедрению дистанционных следственных действий и электронного уголовного дела, является цифровое неравенство (цифровой разрыв, цифровой провал и т.д.). По данным К. Б. Мальсаговой, термин digital divide был впервые употреблен в отчете Национальной администрации информации и связи Министерства торговли США в 1995 г. «Проваливаясь в сеть: обзор сельских районов»².

Вопросы цифрового неравенства попадали в фокус научных исследований в последнее время достаточно часто³.

¹ Пп. «л» п. 8 Указа Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 27.05.2024).

² Мальсагова К. Б. Информационно-цифровое неравенство в современном российском обществе // Научные записки молодых исследователей. 2016. № 4–5. С. 75.

³ См., например: Van Deursen A. J., Helsper E., Eynon R., Van Dijk J. A. The compoundness and sequentiality of digital inequality // *International Journal of Communication*. 2017. Vol. 11. P. 452–473; Dobrinskaya D. E., Martynenko T. S. Defining the digital divide in Russia: key features and trends // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 5 (153). С. 100–119; Волченко О. В. Динамика цифрового неравенства в России // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2016. № 5. С. 163–182; Карлова Е. Н. Цифровые технологии в военном образовании: преодоление цифрового неравенства // *Информационное общество*. 2020. № 5. С. 61–69; Celik I. Exploring

Ян Ван Дейк выделил четыре типа цифровой инклюзии/экслюзии: мотивация, физический доступ, навыки и использование⁴.

Развивая данный подход, мы предлагаем выделять объективное и субъективное цифровое неравенство. Первое может быть обусловлено недостаточным интернет-покрытием регионов, ограниченностью поставок нового оборудования при отсутствии технологического суверенитета, умышленными или случайными разрывами связи в ситуации военных действий или чрезвычайных ситуаций, санкционными ограничениями использования киберпространства (например, ограничение доступа российских институтов к некоторым научным базам или к целым сегментам киберпространства) и т.д. Второе связано с уровнем материального обеспечения граждан и возможностью покупки отвечающего требованиям современных программ оборудования, а также личными психологическими факторами.

Если раньше основной спектр исследований затрагивал именно вопросы объективного (прежде всего технологического и материального) цифрового неравенства, то в последнее время многие ученые обратили внимание на психологическую, мотивационную сферу.

Мы полагаем возможным дифференцировать граждан, все из которых потенциально могут попасть в сферу уголовного судопроизводства либо в качестве потерпевшего, либо в качестве подозреваемого, относительно психологической готовности к использованию цифрового оборудования, цифровых сервисов, повышению собственной цифровой грамотности и приобретению необходимых цифровых компетенций, на несколько категорий.

Во-первых, отрицающие или выступающие против цифрового оборудования, цифровизации как правоохранительной и социальной, так и информационной и профессиональных сфер. Условно назовем их «цифровые луддиты». Проведенный опрос показал, что в данную группу можно включить в основном лиц преклонного

и старше среднего возраста (60 лет и более). В ходе опроса подобное отношение отметили 65 % лиц данной возрастной группы. В ней полностью отсутствует молодежь. Представители этой группы наиболее часто становятся потерпевшими от мошенничества в сфере компьютерной информации.

Второй уровень — это лица, только начинающие развиваться в цифровом мире и использовать цифровые сервисы. Условно их можно именовать «цифровые нубы» (от англ. *pub*, *poob* или *newbie* — «новичок»; выражение из жаргона геймеров и лиц высокой цифровой грамотности). К таким лицам относятся начинающие или не желающие повышать начальный уровень цифровой грамотности пользователи различного возраста и социально-профессиональных групп.

В третью группу мы предлагаем объединить лиц, использующих киберпространство только для развлечения: общения в социальных сетях, игр, прослушивания музыки, просмотра фильмов и т.д. В нее входят часть лиц старшей возрастной категории (около 20 %), лица средней возрастной категории, работа которых не связана с использованием киберпространства (49,7 %), а также около половины опрошенной молодежи (54 %). Причем данная тенденция неполной цифровой вовлеченности молодежи характерна не только для России. А. Морган, Р. Сибсон и Д. Джексон определили низкий уровень владения студентами информационной грамотностью (поиск, верификация информации) при значительных достижениях в области взаимодействия в Интернете⁵.

Четвертая группа — лица, использующие цифровые технологии и киберпространство для работы/учебы и цифровые сервисы государственных и муниципальных органов, а также коммерческих структур. Группа объединяет около 30 % лиц средней возрастной категории и значительную часть молодежи (42 %).

Можно отметить достаточно размытую градацию между средними уровнями цифрового

the Determinants of Artificial Intelligence (AI) Literacy: Digital Divide, Computational Thinking, Cognitive Absorption // *Telematics and Informatics*. 2023. Vol. 83. 102026 ; *Gallardo R., Whitacre B.* An unexpected digital divide? A look at internet speeds and socioeconomic groups // *Telecommunications Policy*. 2024. Vol. 48. Iss. 6. 102777.

⁴ *Van Dijk J. A. G. M.* The Digital Divide in Europe : The Handbook of Internet Politics. London ; New York : Routledge, 2008. P. 1–23.

⁵ *Morgan A., Sibson R., Jackson D.* Digital demand and digital deficit: conceptualising digital literacy and gauging proficiency among higher education students // *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2022. Vol. 44 (3). P. 1–18. DOI: 10.1080/1360080X.2022.2030275.

принятия на практике. Поскольку даже лица старшей возрастной категории в зависимости от личных качеств при производственной или личной необходимости могут повысить цифровую грамотность и цифровое принятие и попасть из второй в третью или даже четвертую группу.

Высший уровень цифровой готовности характерен для так называемых гиков (от англ. geek — «фанат, человек, увлеченный чем-либо»); сейчас слово используется в компьютерном и ином жаргоне для описания человека, увлеченного высокими технологиями). Эти люди стараются одними из первых приобрести и использовать новые технологии. Они первыми вживляют себе чипы (например, для хранения документов, оплаты, использования в качестве электронного пропуска). Заметить этих лиц можно по количеству кибердевайсов, находящихся при них, на теле или в непосредственной близости, превышающему обычное среднее количество у иных пользователей.

В качестве футурологической гипотезы можно отметить, что скорость технического прогресса, а также появление нейрочипов, разработки в области сознания человека и его высшей нервной деятельности могут приблизить технологическую сингулярность в виде синтеза человека и машины на различных уровнях и реализации идей трансгуманизма.

Что мешает гражданам принять цифровизацию и цифровую трансформацию? Причем речь идет о любом участнике судопроизводства. В первую очередь среди психологических предпосылок подобной самоидентификации и инклюзии можно указать инертность мышления и нежелание тратить усилия на приобретение новых компетенций. Условно можно назвать это страхом перед сложностью саморазвития. Кроме того, причиной может быть излишняя уверенность в своей незаменимости и без приобретения дополнительных компетенций и навыков.

Второй психологической причиной может служить страх перед самой идеей цифровой трансформации (зачем менять то, что хоть как-то работает?), ускорением и усложнением процессов. Человек боится и не желает выйти за пределы собственной зоны комфорта. Кроме того, он страшится потери уже достигнутого (социально-

го статуса, уровня зарплаты и т.д.) при попытке продвинуться к новым горизонтам, не замечая, что цифровая трансформация начинает предъявлять новые требования и к компетенциям, знаниям и навыкам имеющегося положения.

В качестве третьего фактора можно отметить общий страх ошибки. Пассивность в освоении навыков ограждает от повреждения дорогого и непонятого устройства, реагирования на уловки интернет-мошенника и т.д.

Четвертым фактором выступает неуверенность в возможности достаточного саморазвития и освоения новых перспектив использования киберпространства.

Последствием цифрового неравенства может стать также цифровое отчуждение — то чувство, которое может испытать участник уголовного процесса в отношении самого процесса из-за своей технической и цифровой неграмотности.

Киберсоциализация пользователей является немаловажным условием цифровой трансформации социальной сферы и правоохранительных органов. Решение подобного вопроса может заключаться только в активной просветительской, пропагандистской и иной деятельности профессиональных психологов и волонтеров.

При этом в рамках цифровой трансформации расследования в целом, появления новых цифровых инструментов коммуникации и межведомственного взаимодействия, реализации процессуальных прав граждан предлагаемая Томасом Рошем категория критической цифровой грамотности (*critical digital literacy, CDL*) как «способности обретения, критической оценки, использования и создания информации с помощью цифровых медиа при взаимодействии с отдельными лицами и целыми комьюнити (сообществами)»⁶ должна преобразоваться в способность получения цифрового доступа к технологиям цифровых порталов правоохранительных органов, применения их для поиска процессуальной информации и создания новой, а также взаимодействия с участниками судопроизводства и межведомственного взаимодействия. Кроме того, Л. Хаас и Дж. Тасси подчеркивают текстовый характер и поливариативность новых цифровых навыков, необходимость овладения новыми речевыми жанрами цифровых коммуникаций в Сети⁷.

⁶ Roche T. B. Assessing the role of digital literacy in English for academic purposes university pathway programs // *Journal of Academic Language and Learning*. 2017. Vol. 1. P. 43.

⁷ *Connecting Disciplinary Literacy and Digital Storytelling in K-12 Education* / L. Haas, J. Tussey (eds.). IGI Global, 2021.

Использование цифровых инструментов в расследовании и реализации своих прав в рамках уголовного судопроизводства также сконцентрировано прежде всего на формах коммуникаций в новой среде. Для следователя это формы электронного межведомственного взаимодействия, формат и особенности заполнения электронного уголовного дела, специфика использования гипертекста и прикрепления к текстовым документам (загрузки на портал) видео и аудиозаписей, фотографий, являющихся как доказательствами по делу, так и способами фиксации хода и результатов следственного действия, в целях формирования единого гипертекстового документа, позволяющего осуществить переход по ссылкам. Для иных участников судопроизводства к таким коммуникативным навыкам можно отнести особенности электронного обращения в правоохранительные органы, поиска по portalу конкретного органа, дистанционного коммуникативного взаимодействия со следователем. При этом по общему правилу, как отмечают В. И. Панов и Э. В. Патраков, «трансформация обратной связи приводит к сокращению высказываний и обеднению эмпатии»⁸.

Следует также отметить ряд важных психологических факторов, влияющих на следователя в период цифровой трансформации расследования. Так, важный негативный фактор — это когнитивная перегрузка, поскольку объем цифровых данных зачастую превышает объем вербальной информации или вещественных доказательств. Работа с большими массивами цифровых данных требует специальных, прежде всего автоматизированных, методов исследования. Данная задача реализована в разработке концепции больших данных и новых методов их анализа. Проблемой может стать также туннельное мышление, когда следователи больше сосредотачиваются на цифровых данных, цифровых доказательствах в ущерб классическим источникам информации и доверяют цифровым данным больше, чем личным или вещественным источникам доказательств.

Цифровая трансформация расследования неизбежно поднимает вопрос о комплексности цифровых и технических компетенций следователя. Трансформации подвергается и сама его ментальность, мышление. Мы уже

отмечали: «Трансформация мышления должна заключаться как в наделении следователя цифровыми инструментами и учете возможностей отвечающего потребностям времени инструментария, активном его использовании, так и во многом в осознании существования информации в новых формах (облачной, распределенной), особенностей электронной цифровой информации (неисчерпаемости при передаче, практически полной неизменяемости при копировании путем клонирования или снятия образа, равном значении формы и содержания и т.д.), а также разницы между аналоговым и цифровым слеодообразованием, трансграничности киберпространства; основная электронная следовая картина может находиться на удаленном компьютере, а аппаратура пользователя применяться только для набора текста на клавиатуре и трансляции без оставления каких-либо следов»⁹.

Датацентризм как один из основных аспектов цифровой трансформации расследования может способствовать извлечению из киберпространства (из открытых баз, социальных сетей, а также при использовании аналитических инструментов OSINT (Open Source Intelligence — сбор данных, разведка по открытым, прежде всего сетевым, источникам)) цифровых данных, формирующих в том числе психологический профиль лица. Кроме того, анализ сетевых коммуникаций лица может способствовать выявлению паттернов общения. При этом следует отметить, что цифровой психологический профиль может несколько отличаться от реального вследствие разной самоидентификации в реальном мире и киберпространстве социальных сетей, форумов или онлайн-игр.

Расширение спектра собираемой информации может поставить перед следователем этические и психологические дилеммы, обусловленные необходимостью определения баланса между объемом и пределами доказывания с одной стороны и тайной личной жизни участника судопроизводства — с другой. Даже имеющиеся рекомендации по исследованию, например, информации социальных сетей могут привести к нарушению тайны личной жизни. При этом перспективные рекомендации, связанные, например, с включением в спектр

⁸ Панов В. И., Патраков Э. В. Цифровизация информационной среды: риски, представления, взаимодействия. М.: Психологический институт РАО, 2020. С. 27.

⁹ Смушкин А. Б. Цифровая трансформация процесса расследования как объективная реальность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. № 1. С. 96–97.

допустимых законом методов и инструментов взлома информации пользователя с помощью «служебных вирусов», могут привести и к разглашению информации, которая не предназначена даже для узкого круга определенных самим владельцем аккаунта пользователей.

Можно также отметить такой психологический аспект цифровой трансформации расследования, как изменение ролей. Так, цифровые технологии, используемые как при совершении, так и при расследовании преступлений, приводят к превалированию объема информации, получаемой аналитическим путем, над доказательствами, получаемыми «на земле». Указанный фактор может привести к утрате следователем закрепленной в уголовно-процессуальном законе руководящей и управляющей роли. Между тем подобная подмена ролей недопустима с точки зрения закона. Следователь со специалистами и аналитиками должен работать в тесном сотрудничестве и взаимодействии при сохранении руководящих позиций. При этом сама его деятельность становится скорее аналитической, чем традиционной поисковой.

С другой стороны, эффект изменения ролей при цифровой трансформации расследования проявляется в том, что автоматические и автоматизированные системы, системы поддержки принятия решений, автоматизированные рабочие места следователя и другие цифровые инструменты могут взять на себя решение рутинных вопросов и разработку вариантов решений. Неумелое пользование подобными инструментами также может нивелировать значимость процессуальной фигуры следователя. Однако, несмотря на предлагаемых в научной литературе «технических интеллектуальных агентов, специалистов по информационной безопасности (профессиональных “антихакеров”), а также роботов (компьютеров)»¹⁰, расследующих преступления в киберпространстве, автор последовательно стоит на позиции недопустимости подмены мыслящего человека — следователя роботом, ботом или иными алгоритмизированными разработками. Так, Е. Н. Быстряков и И. В. Усанов, предлагая концепт киберследе-

теля, разумно отметили, что «киберследователь как помощник следователя-человека является носителем искусственного интеллекта и должен обладать способностью адекватно постигать естественный ход вещей при расследовании уголовного дела»¹¹. Можно полностью согласиться с утверждением Д. В. Бахтеева о том, что «синергия принципов организации человеческого и машинного подходов к решению задач может стать тем инструментом, который позволит решать сложные задачи расследования, недоступные криминалистическим алгоритмам»¹². При этом недопустима психологическая зависимость человека-следователя от искусственного интеллекта или компьютерного алгоритма систем поддержки принятия решений. Они могут быть лишь инструментом, когнитивным помощником следователя, который должен сохранять критичность мышления, не принимая бездумно решения, предлагаемые автоматизированными системами.

Цифровая трансформация расследования и скорость цифрового прогресса требуют постоянного обучения, самообразования, добора необходимых компетенций и развития имеющихся у следователя, а также во многих случаях преодоления психологических барьеров перед использованием высокотехнологического оборудования.

Учета психологических аспектов требует и такой элемент цифровой трансформации расследования, как дистанционные следственные действия. Рассматривать можно отдельно психологические факторы, касающиеся следователей и иных участников судопроизводства.

Так, можно вспомнить утверждение Г. С. Помаза, что «эффективность проведения допроса следователем зависит от его умения использовать тактические и психологические приемы установления и развития контакта, профилактики конфликта, избличения во лжи, преодоления противодействия допрашиваемого, а также знания психологических особенностей личности. Тактические приемы и способы допроса также основываются на психологии, что способствует быстрому и полному расследованию

¹⁰ Власова С. В. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1. С. 9.

¹¹ Быстряков Е. Н., Усанов И. В. Киберследователь // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2017. № 1 (9). С. 32.

¹² Бахтеев Д. В. Криминалистическое мышление и программирование расследования // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2018. № 3. С. 28.

уголовных дел»¹³. Производство следственных действий в дистанционном режиме трансформирует классические рекомендации по налаживанию психологического и коммуникативного контакта. Дистанционная форма следственного действия несколько снижает эмпатию, ограничивает возможность использования неречевых инструментов налаживания контакта. Между тем, как отмечает А. А. Шаевич, «известны случаи, когда допрошенные в качестве свидетелей граждане, ранее нейтрально или благожелательно настроенные в отношении представителей правоохранительных органов, меняли его (мнение. — А. С.) на негативное. Чаще всего это было связано с возмущением, вызванным проявлениями (по их мнению) неуважения, невниманием к их словам...»¹⁴

Существенно затруднена в дистанционном режиме и оценка психологических факторов, влияющих на допрашиваемого, между тем «обвиняемый может испытывать различные психические состояния в зависимости от того, как он относится к совершенному преступлению, а также правосудию. Его состояния детерминированы личностной позицией, системой ценностных ориентаций и оценкой степени доказанности преступления. При взаимодействии с потерпевшим следователь должен учитывать, что его психические состояния относятся к категории экстремальных (стресс, аффект, фрустрация) и вызывают серьезные изменения в его отражательно-регуляционной сфере»¹⁵.

Производство очной ставки в дистанционном режиме также имеет существенные осложняющие психологические факторы, недооценка которых следователем может привести к срыву или безрезультативности следственного действия. Как мы уже отмечали, «важным психологическим фактором дистанционной очной ставки является снижение значимости эффекта присутствия (эффекта ингибиции). Эффект ингибиции выражается во влиянии наличия второго участника следственного действия, который может

сразу, а не на дополнительных вопросах, опровергнуть показания первого участника. Да и само наличие второго допрашиваемого лица не может не оказывать психологическое влияние. Очная ставка в дистанционном режиме за счет ощущения дистанцирования от следователя и второго допрашиваемого при этом несколько сглаживает ингибицию, не дает возможности ощущения рядом лица, которое может опровергнуть показания, отстраняет его от прямого диалога, но и снижает влияние дисфории негативно настроенного лица на второго участника»¹⁶.

Кроме того, как отметил Ю. В. Кузьменко, «очная ставка максимально активизирует непроизвольные поведенческие реакции, что приводит к прорыву в защитной доминанте противодействующего лица. Поэтому очная ставка предполагает процедуру восприятия, расшифровки и использования вспомогательных данных, передаваемых ее участниками невербальными способами: с помощью языка жестов, мимики, телодвижений и т.п.»¹⁷. Дистанционный режим данного следственного действия накладывает свою специфику на контроль невербальных реакций лица. С одной стороны, следователь будет иметь возможность не просто просмотреть отдельные записи реакций обоих участников, но и подвергнуть их программному анализу. С другой — возникает необходимость разделения внимания между изображениями двух дистанционных участников или изображением первого дистанционного участника и присутствующим в месте очной ставки вторым.

Подводя итог проведенного исследования, можно сделать следующие выводы.

1. Психологические аспекты цифровой трансформации расследования требуют дополнительного осмысления и исследования. Необходимо понимание новых концептов цифровой трансформации, разрабатываемых с участием специалистов в различных областях, в том числе профессиональных психологов.

¹³ Помаз Г. С. Использование возможностей психологической науки при производстве допроса подозреваемых, обвиняемых и потерпевших // *Философия права*. 2016. № 2 (75). С. 79–80.

¹⁴ Шаевич А. А. О проблемах установления психологического контакта при производстве отдельных следственных действий // *Научный портал МВД России*. 2018. № 2 (42). С. 46.

¹⁵ Трашкова С. М., Айснер Л. Ю. Некоторые психологические особенности проведения допроса // *Общество: политика, экономика, право*. 2017. № 3. С. 63.

¹⁶ Смушкин А. Б. Психологические аспекты производства дистанционных следственных действий как элемента цифровой трансформации процесса расследования // *КриминалистЪ*. 2023. № 1 (42). С. 86.

¹⁷ Кузьменко Ю. В. Нравственно-психологические аспекты очной ставки // *Достижения вузовской науки*. 2013. № 3. С. 202.

2. Без учета психологических факторов цифровой трансформации, касающихся как следователей, так и иных участников судопроизводства, невозможна эффективная адаптация к новым концептам электронного судопроизводства.

3. Следует отметить, что психологические аспекты цифровой трансформации тесно связаны с техническими и юридическими вопросами, исследование и решение которых должны проходить в комплексе для достижения синергетического эффекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтеев Д. В.* Криминалистическое мышление и программирование расследования // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2018. № 3. С. 13–20.
- Быстряков Е. Н., Усанов И. В.* Киберследователь // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2017. № 1 (9). С. 29–32.
- Власова С. В.* К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1. С. 9–18.
- Волченко О. В.* Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163–182. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.10.
- Карлова Е. Н.* Цифровые технологии в военном образовании: преодоление цифрового неравенства // Информационное общество. 2020. № 5. С. 61–69.
- Кузьменко Ю. В.* Нравственно-психологические аспекты очной ставки // Достижения вузовской науки. 2013. № 3. С. 201–206.
- Мальсагова К. Б.* Информационно-цифровое неравенство в современном российском обществе // Научные записки молодых исследователей. 2016. № 4–5. С. 74–79.
- Панов В. И., Патраков Э. В.* Цифровизация информационной среды: риски, представления, взаимодействия. М. : Психологический институт РАО, 2020. 199 с.
- Помаз Г. С.* Использование возможностей психологической науки при производстве допроса подозреваемых, обвиняемых и потерпевших // Философия права. 2016. № 2 (75). С. 79–83.
- Смушкин А. Б.* Психологические аспекты производства дистанционных следственных действий как элемента цифровой трансформации процесса расследования // Криминалистъ. 2023. № 1 (42). С. 81–87.
- Смушкин А. Б.* Цифровая трансформация процесса расследования как объективная реальность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. № 1. С. 90–107. DOI: 10.21638/spbu14.2023.106.
- Трашкова С. М., Айснер Л. Ю.* Некоторые психологические особенности проведения допроса // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 3. С. 62–65.
- Шаевич А. А.* О проблемах установления психологического контакта при производстве отдельных следственных действий // Научный портал МВД России. 2018. № 2 (42). С. 45–51.
- Celik I.* Exploring the Determinants of Artificial Intelligence (AI) Literacy: Digital Divide, Computational Thinking, Cognitive Absorption // Telematics and Informatics. 2023. Vol. 83. 102026. DOI: 10.1016/j.tele.2023.102026.
- Connecting Disciplinary Literacy and Digital Storytelling in K-12 Education / L. Haas, J. Tussey (eds.). IGI Global, 2021. 378 p. DOI: 10.4018/978-1-7998-5770-9.
- Dobrinskaya D. E., Martynenko T. S.* Defining the digital divide in Russia: key features and trends // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5 (153). С. 100–119. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.06.
- Gallardo R., Whitacre B.* An unexpected digital divide? A look at internet speeds and socioeconomic groups // Telecommunications Policy. 2024. Vol. 48. Iss. 6. 102777. DOI: 10.1016/j.telpol.2024.102777.
- Morgan A., Sibson R., Jackson D.* Digital demand and digital deficit: conceptualising digital literacy and gauging proficiency among higher education students // Journal of Higher Education Policy and Management. 2022. Vol. 44 (3). P. 1–18. DOI: 10.1080/1360080X.2022.2030275.
- Roche T. B.* Assessing the role of digital literacy in English for academic purposes university pathway programs // Journal of Academic Language and Learning. 2017. Vol. 1. P. 43.
- Van Deursen A. J., Helsper E., Eynon R., Van Dijk J. A.* The compoundness and sequentiality of digital inequality // International Journal of Communication. 2017. Vol. 11. P. 452–473.

Van Dijk J. A. G. M. The Digital Divide in Europe : The Handbook of Internet Politics. London ; New York : Routledge, 2008. P. 1–23.

REFERENCES

- Bakhteev DV. Forensic thinking and investigation programming. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta imeni I. Kanta. Seriya «Gumanitarnye i obshchestvennye nauki»*. 2018;3:13-20. (In Russ.).
- Bystryakov EN, Usanov IV. Cyber investigator. *Problemy ugolovnogo protsesssa, kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy*. 2017;1(9):29-32. (In Russ.).
- Celik I. Exploring the Determinants of Artificial Intelligence (AI) Literacy: Digital Divide, Computational Thinking, Cognitive Absorption. *Telematics and Informatics*. 2023;83:102026. DOI: 10.1016/j.tele.2023.102026.
- Dobrinskaya DE, Martynenko TS. Defining the digital divide in Russia: Key features and trends. *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2019;5(153):100-119. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.06.
- Gallardo R, Whitacre B. An unexpected digital divide? A look at internet speeds and socioeconomic groups. *Telecommunications Policy*. 2024;48(6):102777. DOI: 10.1016/j.telpol.2024.102777.
- Haas L, Tussey J, (eds.). Connecting Disciplinary Literacy and Digital Storytelling in K-12 Education. IGI Global; 2021. DOI: 10.4018/978-1-7998-5770-9.
- Karlova EN. Digital technologies in military education: Overcoming digital inequality. *Informatsionnoe obshchestvo*. 2020;5:61-69. (In Russ.).
- Kuzmenko YuV. Moral and psychological aspects of a face-to-face confrontation. *Dostizheniya vuzovskoy nauki*. 2013;3:201-206. (In Russ.).
- Malsagova KB. Information and digital inequality in modern Russian society. *Nauchnye zapiski molodykh issledovateley*. 2016;4-5:74-79. (In Russ.).
- Morgan A, Sibson R, Jackson D. Digital demand and digital deficit: Conceptualising digital literacy and gauging proficiency among higher education students. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2022;44(3):1-17. DOI: 10.1080/1360080X.2022.2030275.
- Panov V, Patrakov EV. Digitalization of the information environment: Risks, perceptions, interactions. Moscow: Psikhologicheskii institut RAO Publ.; 2020. (In Russ.).
- Pomaz GS. Using the possibilities of psychological science in the interrogation of suspects, accused and victims. *Filosofiya prava [Philosophy of Law]*. 2016;2(75):79-83. (In Russ.).
- Roche TB. Assessing the role of digital literacy in English for academic purposes university pathway programs. *Journal of Academic Language and Learning*. 2017;1:43.
- Shaevich AA. On the problems of establishing psychological contact during the conduct of certain investigative actions. *Nauchny portal MVD Rossii*. 2018;2(42):45-51. (In Russ.).
- Smushkin AB. Digital transformation of the investigation process as an objective reality. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*. 2023;1.90-107. (In Russ.). DOI: 10.21638/spbu14.2023.106.
- Smushkin AB. Psychological aspects of the production of remote investigative actions as an element of the digital transformation of the investigation process. *Kriminalist [Criminalist]*. 2023;1(42):81-87. (In Russ.).
- Trashkova SM, Aisner LYu. Some psychological features of interrogation. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. 2017;3.62-65. (In Russ.).
- Van Deursen AJ, Helsper E, Eynon R, Van Dijk JA. The compoundness and sequentiality of digital inequality. *International Journal of Communication*. 2017;11:452-473.
- Van Dijk JAGM. The digital divide in Europe. The handbook of Internet politics. London and New York: Routledge, 2008. 1–23. (In Russ.).
- Vlasova SV. On the question of adapting the criminal procedure mechanism to the digital reality. *Biblioteka kriminalista. Nauchny zhurnal [Criminalist's Library Scientific Journal]*. 2018;1:9-18. (In Russ.).
- Volchenko OV. The dynamics of digital inequality in Russia. *Monitoring public opinion: Economic and social Changes*. 2016;5:163-182. (In Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.10.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смушкин Александр Борисович, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, ведущий научный сотрудник проектного офиса научных программ и исследований Саратовской государственной юридической академии
зд. 104, стр. 3, ул. им. Чернышевского Н.Г., г. Саратов 410056, Российская Федерация
skif32@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander B. Smushkin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminology, Leading Researcher, Project Office for Scientific Programs and Research, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation
skif32@yandex.ru

*Материал поступил в редакцию 31 марта 2025 г.
Статья получена после рецензирования 6 мая 2025 г.
Принята к печати 15 мая 2026 г.*

*Received 31.03.2025.
Revised 06.05.2025.
Accepted 15.05.2026.*